

JAN CZERNIAKIEWICZ

Centrum Nauczania i Certyfikacji Języków Obcych UMCS

Индоевропейское происхождение праславян в лингвистическом освещении

Indoeuropejskie pochodzenie prasłowian w perspektywie lingwistycznej

История месторасположения праиндоевропейцев и праславян, а также развитие их языка достаточно хорошо изучены и описаны как отечественными, так и зарубежными исследователями. Самыми выдающимися учёными в этой области являются: В. К. Поржезинский¹, Я. Чекановски², Т. Лер-Сплавински³, Я. Розвадовски⁴, А. Мейе⁵, Р. Бошкович⁶, Л. Мошински⁷, В. Маньчак⁸, Г. Поповска-Таборска⁹, З. Голомб¹⁰, О. Н. Трубачов¹¹, Н. Н. Толстой¹² и др. Однако взгляды этих учёных во многом противоречивы. Всё же их труды представляют ценность, ибо основаны они на достижениях антропологии, ономастики, гидрографии и других наук.

По нашему мнению, при рассмотрении затронутого вопроса наиболее целесообразным является анализ свойственной определённым территориям

¹ В.П. Поржезинский, *Сравнительная грамматика славянских языков*, Москва 1916.

² J. Czekanowski, *Wstęp do historii Słowian. Perspektywy antropologiczne, etnograficzne, prehistoryczne i językoznawcze*, Lwów 1927.

³ T. Lehr-Splawiński, *O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian*, Poznań 1946.

⁴ J. Rozwadowski, *Studia nad nazwami wód słowiańskich*, Kraków 1948.

⁵ А. Мейе, *Общеславянский язык*, Москва 1951 (*Le slave commun*, Paris 1934).

⁶ Р. Бошкович, *Основы сравнительной грамматики славянских языков*, Москва 1984.

⁷ L. Moszyński, *Wstęp do filologii słowiańskiej*, Warszawa 1984.

⁸ W. Mańczak, *Praojczyzna Słowian*, Wrocław 1981.

⁹ H. Popowska-Taborska, *Wczesne dzieje Słowian w świetle ich języka*, Wrocław 1991.

¹⁰ Z. Gołąb, *O pochodzeniu Słowian w świetle faktów językowych*, Kraków 2004.

¹¹ О.Н. Трубачов, *Этногенез и культура древнейших славян*, Москва 2003.

¹² Н.Н. Толстой (ред.), *Славянские древности*, Москва 1995.

лексики, относящейся к названиям животных, растений и географических объектов. Следует обратить особое внимание на способ образования этой лексики с учётом периодических изменений в фонологической системе.

Язык речи (вербальный язык) как средство общения между людьми возник с появлением человека на Земле. Первоначально он мог быть несложным в звуковом, семантическом и синтаксическом отношениях. Но тем не менее его средства должны были обеспечивать коммуникативность в повседневной жизни людей. Люди размножались и расселялись по земному шару, попадая в разные климатические и географические условия. Возникла необходимость давать названия растительному и животному миру, географическим объектам и явлениям природы, а затем и занимаемой ими территории. Всё это способствовало развитию и изменению языка в каждой из отдалённых друг от друга семьях, родах, кастах и, наконец, племенах.

Опираясь на результаты археологических исследований, которые определяют появление Человека на Земле около двух миллионов лет тому назад¹³, можно предположить, что за это время могло развиться несколько цивилизаций и несколько самостоятельных языков с высоким уровнем развития до времени катастрофического исторического события, полностью уничтожившего все цивилизации и практически все существовавшие до того времени вербальные языки. Это событие по содержащимся историческим сведениям в Библии, заключается во всемирном потопе, после которого осталось в живых супружество Ной и семья его трёх сыновей: Сима, Хама и Иафета¹⁴. Они спаслись в ковчеге, в последствии осевшем на горе Арарат¹⁵ (принадлежавшей когда-то Армении, а сейчас – Турции).

Согласно существующим данным сотворение мира произошло 5508 лет до новой эры¹⁶. По нашему мнению, эта дата указывает на мировой потоп, который положил начало “новой эпохе” в развитии человечества и его вербальных языков, что также можно назвать “возникновение нового мира”.

Представляется логичным, что после мирового потопа некоторое время Ной со своими сыновьями жили в районе горы Арарат. Затем из этой местности его сыновья со своими семьями разошлись в разных направлениях земного шара. По сведениям Библии, Хам направился в сторону Африки, Сим – в район сегодняшнего Израиля, а Иафет же, предположительно, – в землю нынешней Италии. Библия указывает на территорию, занимаемую только потомками Хама и Сима. В то же время о потомках Иафета в Библии ничего конкретного не сказано.

¹³ K. Wong, *Powikłany rodowód*, „Świat Nauki” 2003, nr 3, s. 54.

¹⁴ Библия, Бытие: 8, 9, 10. Москва 1993.

¹⁵ Там же, 8, 9.

¹⁶ F. Sielicki, *Powieść Minionych Lat (Powieść wremennych let)*, Wrocław – Warszawa – Kraków 1968, s. 221, przypis 1.

Можно сказать, что из существовавших языков сохранился после потопа только тот, который был распространён в местности Ноя и постепенно начал регрессироваться из-за отсутствия широких контактов между людьми, то есть с каждым годом оскудевал.

После расселения из района горы Арарат сёмьи Ноевых сыновей оказались в разных географических условиях с неодинаковым растительным и животным миром. Тогда возникла необходимость давать названия растениям, животным, явлениям природы и географическим объектам, а затем и территориям, на которых их потомки поселялись. Всё это способствовало своеобразному развитию языка в семантическом, фонологическом и синтаксическом планах в каждой из общностей. А это привело в будущем к образованию языковых семей, получивших название от имён Ноевых сыновей: Хама и Сима – хамито-семитская, а от имени Иафета, по-видимому, в окончательном расчёте – семья индоевропейских языков.

Иафет со своим потомством, по нашему мнению, после выхода из района горы Арарат некоторое время мог обитать в земле нынешней Италии, но потомство его, будучи кочевым, видимо, постепенно продвигалось в район южной России и там расположилось на долгое время, ведя, как установили учёные, кочевой и полукочевой образ жизни. Затем по мере увеличения населения они расширяли свою территорию в направлении лесостепной зоны России, но до лесной зоны они не дошли. На это указывает отсутствие в их языке наименований зверей и растений строго лесной зоны. На расположение праиндоевропейцев на упомянутой территории указывает лексика определяющая времена года, климатические условия и т. д.

К концу IV и началу III тысячелетий праиндоевропейская общность настолько разраслась, что не могла дольше составлять единство и распалась на ряд отдельных общностей, которые разошлись в разных направлениях земного шара, попадая опять-таки в разные климатические и географические условия с неодинаковым растительным и животным миром. Это делало возможным давать названия растениям, животным и географическим объектам каждой из племенной общности по своему усмотрению. В силу таких обстоятельств возникла разнородность наименований одних и тех же предметов и явлений.

В науке существуют предположения о местопребывании праиндоевропейцев в степях южной России. Предположения эти разделяет югославянский учёный Радослав Бошкович: „ ... праиндоевропейцы, обитавшие в степях южной России /.../ постепенно путём миграции /.../ продвинулись из югорусских степей, с одной стороны, - в Азию – в Индию, Иран Малую Азию, а с другой, - в Европу, которую в настоящее время заселяют почти целиком”¹⁷.

¹⁷ Р. Бошкович, *Основы сравнительной грамматики славянских языков. Фонетика и словообразование*, Москва 1984, с. 26.

Крупнейший отечественный учёный индоевропеист Л.Беднарчук на основании анализа трудов учёных лингвистов пришёл к выводу, что новейшие достижения языковедческой семантики не использованы до сих пор в широком масштабе в индоевропейской лексикологии. Лишь только словарь Й. Подгорного содержит лексические единицы, состоящие из корня, а ведь тогда уже лексической единицей было слово. Собственные углублённые наблюдения Л.Беднарчука в данной области заставили его выдвинуть утверждение, что единственно на основании семантического анализа можно выделить официальную терминологию, а также лексику и фразеологию существовавших в праиндоевропейскую эпоху в устной литературе (героической и сакральной). М. Попко исследовал ряд памятников юго-восточной и западной Азии, а именно: Месопотамии (Двуречья) – область в течении рек Тигра и Ефрата¹⁸.

Объектом его внимания стали языки соседних народов, располагавшихся вокруг территории праиндоевропейцев: шумерийский, хуррийский, хаттский, уратский, аланский и дравидийский языки, а также угро-финские и алтайские языки, языки киргизо-копчатской группы.

Как вытекает из изученных нами источников, язык шумеров известен по клинописным памятникам с 29 – 28 вв. по 3 – 1 вв. до н. э.; хуррийский язык известен по памятникам 3 – 2 тысячелетий до н. э. (северная Месопотамия); хаттский язык (относится к индоевропейской семье языков) хоттолувийской группы (восточная Анатолия) известен по иероглифическим памятникам от 2-го тысячелетия до конца 1-го тысячелетия до н. э. – и клинописным – XVIII – XII вв. до н. э.; уратский язык (Арьянское Нагорье) родственен хуррийскому языку. Известен он по клинописным памятникам IX – VI вв. до н. э.; аланский (среднеосетинский язык, совр. Иран) – один из среднеиранских языков, относящийся к индоевропейской ветви индоевропейских языков; дравидийский язык (Индия), который подразделяется на ряд групп; угро-финские языки, носителями которых являются народы: финны, венгры и кареллы; алтайские языки относятся к тюрским языкам; киргизо-копчатская группа языков¹⁹.

С течением времени население праиндоевропейцев разрослось настолько, что их территория приблизилась к границам соседних иноязычных народов. Начались осуществляться контакты между носителями упомянутых языков. Но могло это произойти лишь к концу существования праиндоевропейской общности и только тогда могли выступить двусторонние лексические заимствования. В первоначальный период существования праиндоевропейцев такой возможности не было, так как они были изолированы

¹⁸ М. Попко, *Luży i języki starożytniej Anatolii*, Warszawa 1999.

¹⁹ *Советский энциклопедический словарь*, Москва 1984, сс. 43, 409, 503, 1409, 1443, 1457, 1520.

друг от друга большим пространством. Лишь постепенно расширяя границы своей территории они приблизились к пределам обитания иноязычных народов со всех сторон своего расположения. Как известно, заимствования входят в язык как кальки (полукальки) в одних случаях, а в других – оформляются по фонологической и грамматической моделям каждого конкретного языка. Тем не менее можно восстановить исходную форму лексики языка-источника.

Л. Беднарчук усматривает, что местоположение праиндоевропейцев определяет пастушья лексика, названия домашних, лесных и водяных животных, названия зимы, мороза, льда и начала земледелия, которое было невозможным при существовавших в то время орудиях труда в сухой степи. Л. Беднарчук принимает во внимание также факт отсутствия общеиндоевропейского названия “море” и иных наименований с ним связанных. Всё это указывает на то, что местонахождение праиндоевропейцев располагалось вдалеке от морей и океанов на суше в лесостепной зоне с умеренным и влажным климатом. В расчёт входит здесь значительная часть полосы Евразии между центральной Европой и центральной Азией.

Полностью соглашаясь с изложениями учёных, представляется необходимым внести к ним некоторое уточнение, а именно: первоначальное расположение праиндоевропейцев могло находиться в южной степной зоне России, но к концу своего существования их территория расширилась предположительно до лесной зоны. Здесь следует учитывать обстоятельство отсутствия общеиндоевропейской лексики, связанной с названиями лесной зоны, которая характеризуется разными видами почвы (луга, болота) и спецификой выступающего на них растительного и животного мира. Это находит подтверждение в наличии разных наименований одного и того же предмета, животного или растения в самостоятельных языках индоевропейской языковой семьи. Если одно и то же название выступает в ряде индоевропейских языков, то оно относится к праиндоевропейской лексике. А разные наименования одного и того же предмета указывают на отсутствие данного объекта на территории праиндоевропейцев. Самым показательным термином из области животного мира здесь является слово “медведь”. Оно образовалось, по нашему мнению, путём сложения двух слов без интерфикса (без соединительного гласного): именной основы *[med- < mēdūs] и глагольного корня *[vēd- < øuēdēt̥ < ъuēdēt̥ < ѡuēdoit̥s] с окончанием *[-ь- < -ī-] и указателем конца слова *[-s] – “мёд ведаёт”. Этимологические словари указывают, что глагольная часть этого термина развилась из праиндоевропейского слова *ēdt̥s – “есть”²⁰. С таким мнением согласиться трудно в силу

²⁰ Н.М. Шанский, В.В. Иванова, Т.В. Шанская, *Этимологический словарь*, Москва 1971, с. 261; Г. П. Цыганенко, *Этимологический словарь*, Киев 1970, с. 260; П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, Т. I, Москва 1994, с. 519.

следующих причин: а) первая часть этого слова *[mĕd-] равняется корню, так как *[-ǔ-] было окончанием (некоторые учёные называют его темой) и оно выпало; б) вторая часть – *[ĕd- < ědtīs] – “есть” не начиналось с [u-] неслогового, который бы развился в *[v-], так как во время образования термина *[medvĕd̥s] протезирование начальных вокальных не существовало. А начальный консонантный *[v-] развился из неслоговой части дифтонга *[ъu- < ѱu-], где слабый редуцированный *[ъ-] в сочетании с неслоговым *[-u-] выпал. Такая трансформация дифтонга *[ǔu] произошла под влиянием развития словесного ударения, в частности, музыкального, требовавшего выравнивания тона в слове и слове²¹. Термин “медведь” выступает в ряде славянских языков: праслав. *medvĕd̥, рус. медведь, др.-рус. медвѣдъ, белорус. мядзведзь, укр. ведмідь, польск. niedźwiedź, словен. medved, чеш. medved, с.-хорв. медвед, в.-луж. mejdwědź, н.-луж. mjadwjež.

Между тем в иной индоевропейской языковой группе (германской) название, определяющее “медведя”, развилось на базе лексики противоположного значения. Немецкий термин Bär, английский bear образовались от первой части сложного слова праиндоевропейского характера *[b̥r̥loga < b̥r̥lōgās] (зверь, спящий в мусоре, в мятой соломе, то есть в берлоге).

Согласно этимологическому словарю Г.Н.Цыганенко ещё до возникновения слова “медведь” существовало название “arktos”²² (происходящее от слова arcticus – северный; Арктика – север). Этот термин выступает во многих языках неславянской группы: др.-инд. ṛksaḥ, санскр. ṛkṣa, осет. ars, лат. ursus. франц. ours, греч. [arctos].

В то же время П.Я.Черных считает, что это слово является вторичным термином животного “медведь”²³. Однако каждое из этих утверждений требует уточнений. Сомнительным кажется, что слово arktos – “медведь” было первичным или вторичным. Во-первых, данный термин наблюдается только в языках народов, соприкасавшихся с иноязычными племенами в определённые периоды своего существования. Во-вторых, семантика этих слов связана с расположением северного континента, который является местом обитания некоторых видов этого животного. Представляется логичным, что название данного зверя появилось вследствие расширения торговых контактов с иноязычными племенами. В состав товарообмена мог входить мех северного зверя (медведя). Но товарообмен, видимо, проходил только между некоторыми племенами праиндоевропейцев, а возможно, что этот процесс наступил уже после распада праиндоевропейской общности. Поэтому

²¹ J. Czerniakiewicz, *Некоторые особенности просодии (ударения) и отражение её на структуре слова*, „Przegląd Rusycystyczny” 2003, nr 2 (102), s. 109–110.

²² Г.П. Цыганенко, Ук. соч., с. 260.

²³ П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, Т. I, Москва 1994, с. 519.

медвежий мех “arktos” получил своё название по месту обитания данного зверя. Становится ясным, таким образом, почему это слово выступает не во всех индоевропейских языках. Здесь напрашивается следующий вывод, что праиндоевропейцы заселяли территорию, где медведи не водились.

Что касается растительного мира, то в первую очередь примером здесь может служить наименование травы, произрастающей на заболоченной почве – “осока”. Этот термин образовался, согласно мнению П.Я.Черных, от праиндоевропейского корня *[ok- - < ðk-, ðk-] – путём удвоения этого корня, который выражал что-либо острое, режущее²⁴: праслав. *osoka, польск. osoka, рус. осока, белорус. асака, болг. острица, словац. ostrica, чеш. ostrice, лит. ašaka – “рыбная кость”, греч. [αχμή] – “остриё, лезвие”. Здесь следует уточнить, что корень *[ok-] использовался в ряде слов с иной семантикой, например, в слове “око” корень *[ok-] указывает на значение “смотреть”. Но ведь это невозможно, чтобы один и тот же корень использовался в образовании слов с разной семантикой в праиндоевропейском языке. Анализ разных языковых групп индоевропейской семьи показывает, что корневой гласный [o] современных языков в корне [ok-] восходит к краткому *[ǝ]. Указывают на это рефлексы праиндоевропейских вокальных в балтийской и германской языковых группах, если сопоставить их с рефлексами тех же гласных в романской и славянской языковых группах. В первых из этих языковых групп праиндоевропейская фонема *[ǝ, ǝ > a]: лит. akis – “око”, нем. Auge – “тж.”. В последних же языковых группах *[ǝ, ǝ > o]: лат. oculus – “глаз”, рус. уст. око – “тж.”, польск. око – “тж.”. Что же касается корневого консонантного, то восходит он, как кажется, к разным фонологическим единицам: в словах типа “око” согласный [k] восходит к праиндоевропейской фонеме *[k]; а в слове “осока” консонантный корневой [k] восходит к праиндоевропейской фонеме *[kh], то есть *[k] с придыхательным элементом *[h]. Эти рассматриваемые две разные фонологические единицы в процессе трансформации согласных фонем совпали в одну фонему *[k] после распада праиндоевропейской общности.

На наш взгляд, слово “осока” образовалось на рубеже второго и третьего периодов существования праславянского языка путём сложения двух праиндоевропейских корней (основ) простого слова бессуффиксальным способом. Первая часть состоит из корня *[os-a < vos-as < ōuops-as < ʷuops-as < ʷiðps-ās] – “колющая”, “жалющая”²⁵, где, согласно развитию музыкального словесного ударения, сочетание консонантных *[ps] упростилось и осталось *[s], выравнивая интонацию соседних слогов в слове, а *[v < ʷi < ʷu]

²⁴ П.Я. Черных, Ук. соч., с. 608.

²⁵ J. Czerniakiewicz, *Отражение музыкального ударения на развитии фонологической системы праславянского языка*, „Przegląd Ruscystyczny” 1999, z. 3–4 (87–88), s. 117.

– значительно позже – после прекращения действия тонального ударения – отпало. Такая констатация основывается ещё и на том факте, что фонема *[s] не трансформировалась из *[k] в праславянском языке. Вторая же часть рассматриваемого слова “осока” действительно состоит из праиндоевропейского корня *[ōk- < -ōkh-] – “режущий”. Отсюда вытекает, что слово “осока” по этимологии значит – “колюче-режущая трава”.

Здесь стоит рассмотреть также слово “осина”, листья которой всегда трепещутся, издавая звук, напоминающий жужжание осы. И от слова “оса” образовалось название этого дерева. Этимология слова “осина”, по всей вероятности, связана со звукоподражанием. Приведём некоторые примеры: праслав. *[ōsīnās > osina] > рус. осина, польск. osika – „осина”, чеш. диалект. osika – “тж.”. Ср. др.-прусск. abse – “тж.”, др.-в.-нем. aspa – “тж.”. Данное слово является суффиксальным производным, и так как оно выступает только в некоторых языках, то не восходит оно к праиндоевропейскому языку. Следовательно, осина не произрастала на территории, занимаемой праиндоевропейцами. Там, очевидно, не было лесов, лугов и болот.

Из приведённых примеров следует, что они развились уже в самостоятельных индоевропейских языках после распада языка праиндоевропейцев и не являются общими для самостоятельных индоевропейских языков.

Население праиндоевропейцев всё время увеличивалось. На занимаемой ими территории становилось тесно. Могли возникать внутриплеменные и межплеменные раздоры. Приходилось искать новые земли для своего поселения. И к концу 3-его тысячелетия до н. э. территория их расширилась, видимо, до лесной зоны на запад, на север – до реки Волги, а на восток – до Каспийского моря. Согласно известному учёному историку Х. Ловмянскому²⁶ к концу 3-его тысячелетия до н.э. часть праиндоевропейских племён начала мигрировать на Запад с территории Нижней Волги и дошла до реки Одры. Оставленную ими территорию, по нашему мнению, заняли праславянские племена, принадлежавшие к той же праиндоевропейской общности. Спустя некоторое время праславянские племена, поселившиеся вдоль южного берега Волги, вытеснили прагерманские племена на северную сторону Волги.

Удаляясь от степной зоны они оказались в иных климатических и географических условиях. Возникла необходимость давать названия новым видам растений, животным, а также наименования географическим объектам, выступавшим на данной территории, например: хвоя, море, гора. Такие названия дали праславянские племена до нашествия прагерманских племён, которые позаимствовали отдельные из этих терминов: [mōŕiōs > moŕjes.>

²⁶ H. Łowmiański, *Początki Polski*, T. I: *Z dziejów Słowian w pierwszym tysiącleciu n.e.*, Warszawa 1963.

more > нем. Meer – “море”. Доказательством этому могут служить два факта. Во-первых, некоторые из них выступают исконными только в славянских языках, а в других языках они являются заимствованными. Во-вторых, доказательством собственно праславянской лексики может служить фонологическое оформление этих терминов:

а) в славянском фонологическом оформлении они выступают после трансформации некоторых праиндоевропейских фонем в определённых позициях, вызванных развитием словесного ударения, в частности, тонического (выравнивавшего тон в слове и слове), например: *[skhūoiās > skūoiās > sūoiās > xvoia]. Ср. рус. хвоя, белорус. хвоя, укр. хвоя, польск. choina, болгар. хвоина – “можжевельник”, с.-хорват. хвоја – “ветка, побег”, словен. hoja, hojka – “ель”, чеш. chvoj – “сосна”, в.-луж. choina – “тж.”, обл. chojca – “тж.”, н.-луж. chojca – “тж.”;

б) в балто-славянских языках почти полностью сохранился праиндоевропейский фонологический состав слова с небольшими изменениями, произошедшими в процессе развития языка. Ещё в совместном существовании праславянских племён, видимо, происходили некоторые изменения в произношении одних и тех же слов, в частности, в слове *skūoiās – “хвоя”. Так, например, в праславянских племенах, давших впоследствии балто-славянскую языковую группу, в рассматриваемом слове в место дифтонга *[ōi], выступал дифтонг *[ūi]. При отсутствии словесного ударения каждый из сочетавшихся дифтонгов относился к отдельным слогам. Такое соседство близких в качественном отношении звуков не препятствовало в артикуляции слов, так как слово членилось на слоги. Но при развитии словесного ударения пауза между слогами сократилась и эти три близких по месту и способу образования звука слились в один слог, а это препятствовало плавному произношению слова. Поэтому, вероятно, предыдущий дифтонг *[ūu] выпал, а краткое *[ū] развилось в звук полного образования. Например: лит. skuja < *[skūuiās < skūuiās < skūūiās] – “хвоя”; латышск. skuja – “тж.”. Термин “хвоя”, видимо, является первичным названием и употреблялся он для определения семьи игольчатых растений. Практически значение этого слова сохраняется до сих пор в ряде славянских языков. Слово же “сосна”, по всей вероятности, является вторичным, так как этот вид деревьев на территории, занимаемой первыми праславянами, ещё не выступал и только значительно позже он развился, а именно тогда, когда праславяне мигрировали в лесную зону. Встретившись с этим игольчатым деревом дали ему новое название по цвету коры, что отмечено в этимологических словарях: др.-прусск. sasnīs – “заяц”, др.-в.-нем. hasan – “серый”, нем. Nase – “заяц” и т.д.

В языкознании существуют два предположения, что слово “море” образовалось от индоевропейского корня *[mōr- (mēr-)], выражавшего значение “мерцать, раскачиваясь двигаться и сверкать при этом”. Ср. греч. [marmairō]

– “сверкаю, блистаю”. А второе предположение – “большое пространство стоячей воды”. Ср. др.-лит. *mogės* – “озеро, болото, устье реки”; франц. *mare* – “лужа”, *marécage* – “болото”, *mer* – “море”; готск. *mairei* – “тж.”, нем. *Meer* – “тж.”; лат. *mare* – “тж.”.

На основании анализа слов с одинаковой семантикой но с разным фонологическим составом в современных языках мы приходим к выводу, что малейшая разница одинаковых предметов выражалась количественной характеристикой гласного в корне, а состояние этих предметов и их действия – меной коренного вокального. Отсюда вытекает, что праиндоевропейский корень с долгим гласным *[ō, ā] указывал на большую поверхность залитой водой. В то же время корень с кратким вокальным *[o, a] указывал на меньшую площадь стоячей воды. Разница в разграничении величины водной поверхности определялась визуально, а это приводило к затруднению в употреблении терминов с долгим или кратким гласным в корне. Потому в языке одних племён начали доминировать слова с долгим вокальным в корне, в других же – с кратким гласным, но в некоторых племенах эта разница сохранялась. Со временем, как известно, в фонологической системе вокальных звуков произошла трансформация: гласные теряли свой количественный показатель (долготу-краткость) и совпали в одну фонему нормальной длительности. Когда праславянские и иные племена соприкоснулись с болотами и большими водоёмами, то дали им названия, используя корни со значением предметности *[mōg-, māg-] или состояния *[mēr-]. Доказательством такого мнения могут служить современные языки, развившиеся из следующих диалектных языковых групп: а) праславянской: рус. море, белорус. мора, польск. *mogze*; б) балто-славянской: др.-лит. *mogės*, лит. *marės* – “озеро, болото, устье реки”; германской: готск. *mairei* – “море”; романской: франц. *mare* – “лужа”, *marécage* – “болото”, *mer* – “море”, лат. *mare* – “море”.

В языке праславян как и прагерманцев не было слова, обозначавшего гору. Доказательством этому может служить небольшая разница в семантике двух корневых морфем *[bhēr-, ghōr-], обозначавших находящееся выше дна, вверху. Со временем стиралось разграничение значения корневых морфем языка-источника. Отсюда, давая название новым предметам, связанным с их высотой, употреблялся какой-то один из этих корней в каждой из племенных общин. В праиндоевропейском языке корень *[bhēr-] мог обозначать край чего-то, край обрыва, а корень *[ghōr-] мог указывать на какой-то выступ, возносившийся выше дна. Ср. *[bhērgūs > bērgūs > bergъs > brēgъs > brēgъ] > ст.-сл. **брѣгъ** – “берег”, рус. берег, польск. *brzeg*, нем. *Berg* – “гора”. И корень *[ghōr-] > ст.-сл. **горѣ** – “вверху, наверху”, др.-рус. горница – “комната в верхней части дома”, белорус. гара – “чердак, гора”, укр. горнище – “чердак”, болгар. горница – “возвышенность”, польск. *górný* – “верхний”, др.-прусск. *garian* – “дерево”, др.-инд. *giris* – “гора”. Итак, мы видим, что в каждом

языке слова с одним и тем же корнем *[bher-] или *[gher-] ассоциируются с высотой.

Соседство праславян с прагерманцами продолжалось около 600 лет – приблизительно до половины II-ого тысячелетия до н. э. К этому времени к границам праславянских и прагерманских племён приблизились племена неиндоевропейской языковой группы. А это создавало условия враждебным отношениям между иноязычными племенами. Такие обстоятельства могли привести к принудительной миграции праславянских и прагерманских племён на северо-запад Европы. В центре нашего внимания являются праславянские племена, которые, согласно мнению Л.Мошинского, начали свою миграцию около половины II-ого тысячелетия до н. э.²⁷ Они дошли до верхнего Днепра и там разделились на две группы. Часть, так называемая, балто-славянская достигла Балтийского моря между реками Двиной и Неманом. Остальная часть праславянских племён постепенно занимала территорию вплоть до реки Одры, на которой находились, как считает Х. Ловмянский²⁸, праиндоевропейцы первой миграции так называемые Венеды, язык которых до сих пор не установлен. Они ассимилировались праславянскими племенами. Последние заняли территорию до реки Дуная на юге, на западе – до реки Рейна, а на севере – до Балтийского моря.

ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ

Не остались на своём месте и праиндоевропейские племена иных диалектов, давших впоследствии неславянские языковые группы: кельтскую, италийскую и греческую. Они также приблизительно в то же время, что и праславянские племена начали мигрировать в сторону запада Европы. Так распалось к концу III-его тысячелетия до н.э. праиндоевропейское языковое единство.

ПРАСЛАВЯНЕ

Праславянские племена, как предполагают учёные, существовали с конца III-его тысячелетия до н.э. по V – VI века н.э. За такое длительное время эти племена разрослись и часто отдельные из них меняли своё место пребывания. А это способствовало неодинаковому развитию языка в фонологическом, грамматическом и синтаксическом аспектах, что привело к развитию разных диалектных групп. В результате рассматриваемый диалектный язык распался на три языковых единства: южнославянское, западнославянское и

²⁷ L. Moszyński, *Wstęp do filologii słowiańskiej*, Warszawa 1984, s. 175.

²⁸ H. Łowmiański, Ук. соч.

восточнославянское. В будущем же они распались на ряд самостоятельных языков.

БАЛТО – СЛАВЯНЕ

Историю балто-славян по языку, видимо, можно проследить периодически с конца III-его тысячелетия по вторую половину II-ого тысячелетия до н. э. Эту эпоху следует признать первым периодом. Второй же период можно выделить со времени распада языковой общности на самостоятельные праславянскую и балто-славянскую диалектные языковые группы, что приходится приурочить ко второй половине II-ого тысячелетия до н.э. Последняя из этих диалектных групп стала источником трёх самостоятельных языков: прусского, латышского и литовского.

Опираясь на анализ развития фонологических единиц в праславянском и балто-славянском языках, можно заключить, что ещё в праславянской общности по языковым отличиям можно выделить две основные праславянские группы: собственно праславянскую и условно балто-славянскую.

Общей особенностью для многих праиндоевропейских племён различных в языковом отношении явилось развитие словесного ударения как фонологического приёма, способствовавшего изменению звуковой оболочки слов, а следовательно и их семантики вообще. Кроме того, развитие словесного ударения привело к ускорению темпа речи. Это, в свою очередь, повлекло за собой перераспределение границ слогов в слове. Смежные слоги, состоявшие из фонологических консонантных и фонетического \emptyset -условно-нулевого вокального, объединялись в один слог и в случае артикуляционной несовместимости происходили процессы ассимиляции, диссимиляции, упрощения групп согласных или инфиксация, то есть вставка согласного, – всё это было вызвано выравниванием тона в слоге и слове. Такая особенность требовала построения слогов таким образом, чтобы создавалась плавность речи. В фонологическом аспекте языка в силу этого обстоятельства произошло ряд процессов. В первую очередь начали подвергаться упрощению дифференцированные согласные придыхательным элементом *[h] путём его устранения. Это явление наблюдалось как в собственно праславянских, так и в балто-славянских диалектах. Оно способствовало плавному переходу произношения предыдущего слога к артикуляции последующего в пределах одного фонетического слова. Устранение придыхательного элемента *[h] привело к совпадению пары согласных, противопоставлявшихся этим элементом в одну фонему: *[bh // b > b]: *[nëbhös > nebo] > ст.-сл. **небо**, рус. небо, польск. niebo. Ср. др.-инд. nábhah – “туман, облака”, греч. [nephos] – “тж.”, лат. nebula – “туман”, лит. debesis – “облако”(в нём звук *[d < n]). Из сказанного следует, что в языке сократилось количество консо-

нантных фонем. Любой язык такого явления не терпит – он должен восполнить недостающее количество фонем. В силу такой необходимости в языке начало развиваться противопоставление согласных по мягкости–твёрдости. В след за упрощением консонантных фонем наступил, как кажется, процесс упрощения вокальных, состоящий в том, что они теряли, как известно, свой фонологический различитель: долготу или краткость. В результате такого явления они совпали в одну фонему нормальной длительности: * $[\bar{i} > i]$; * $[\bar{e} > \bar{e}]$; * $[\bar{e} > e]$; * $[\bar{a}, \bar{o} > a]$; * $[\bar{a}, \bar{o} > o]$; * $[\bar{y}, \bar{i} > \bar{y}, \bar{y}]$. В то же время в балтославянских диалектах * $[\bar{u}, \bar{i} > u, i]$: * $[\text{lou}[\bar{i}]\text{t}is > \text{lovit}y] >$ ст.-сл. **ловити**, рус. ловить, польск. łowić. Ср. лит. laviti, латышск. lavies; * $[\text{m}[\bar{a}]\text{t}is > \text{m}[a]\text{t}y] >$ ст.-сл. **мати**, **матерь**, рус. мать, польск. matka. Ср. лит. mótyna – “мать”, латышск. ”mate” – “тж.”; * $[\bar{a}]\text{r}at\bar{i}s > [o]\text{r}at\bar{y}] >$ ст.-сл. **орати**, рус. диалект. орать – “пахать”, польск. orać. Ср. лит. árti – “пахать”; * $[\text{bh}[\bar{u}]\text{t}is > \text{b}[y]\text{t}is > \text{b}[y]\text{t}y] >$ ст.-сл. **быти**, рус. быть, польск. być. Ср. лит. búti – “быть”; * $[\bar{o}k\bar{o}s > \text{oko}] >$ ст.-сл. **око** – “глаз”, рус. диалект. око – “тж.” польск. oko. Ср. лит. akis; * $[\text{d}in\bar{i}s > \text{d}n\bar{y}s > \text{d}n\bar{y}] >$ ст.-сл. **днь**, рус. день, польск. dzień. Ср. лит. dienà – “день”, латышск. diena – “тж.”; * $[\text{b}udr\bar{u}s > \text{b}udr\bar{y}s > \text{b}udr\bar{y}] >$ ст.-сл. **бъдрь**, др.-рус. бьдры, рус. бодр. Ср. лит. budrùs – “бодрый”.

Примером общего развития обоих рассматриваемых языков является часть лексики в семантическом и фонологическом аспектах:

* $[\bar{u}u\bar{i}n\bar{a}s > \bar{y}u\bar{i}n\bar{a}s > \bar{v}l\bar{n}a] >$ ст.-сл. **вьлна**, рус. волна. Ср. лит. vilnis, vilnià – “волна”;

* $[\bar{u}u\bar{e}g\bar{h}t\bar{i}s > \bar{y}ue\bar{z}t\bar{y}s > \bar{v}ezt\bar{y}] >$ ст.-сл. **везти**, рус. везти, польск. wieźć. Ср. лит. vèžti – “везти”;

* $[\bar{u}u\bar{e}l\bar{o}it\bar{i}s > \bar{y}u\bar{e}l\bar{o}it\bar{i}s > \bar{v}el\bar{e}t\bar{y}] >$ ст.-сл. **велѣти**, рус. велеть. Ср. лит. vélti – “велеть”;

* $[\bar{u}u\bar{o}l\bar{i}i\bar{a}s > \bar{y}u\bar{o}l\bar{y}i\bar{a}s > \bar{v}o\bar{l}o\bar{i}i\bar{a}s > \bar{v}o\bar{l}i\bar{a}] >$ ст.-сл. **вола**, рус. воля, польск. wola. Ср. латышск. vala – “сила, власть”;

* $[\bar{g}o\bar{l}l\bar{u}u\bar{a}s > \bar{g}o\bar{l}y\bar{u}a\bar{s} > \bar{g}o\bar{l}v\bar{a}s > \bar{g}o\bar{l}v\bar{a} (\bar{g}l\bar{o}v\bar{a} > \bar{g}l\bar{a}v\bar{a})] >$ ст.-сл. **глава**, рус. голова, польск. głowa. Ср. лит. galva – “голова”;

* $[\bar{l}e\bar{i}t\bar{i}s > \bar{l}it\bar{y}s > \bar{l}it\bar{y}] >$ ст.-сл. **лиати**, **лѣяти** – “лить”, рус. лить, польск. lić. Ср. лит. lieju, liet – “лить”, латышск. leju, liet – “тж.”

* $[\bar{g}r\bar{a}b\bar{h}e\bar{i}t\bar{i}s > \bar{g}r\bar{a}b\bar{e}it\bar{i}s > \bar{g}r\bar{a}b\bar{i}t\bar{y}] >$ ст.-сл. **грабити**, рус. грабить, польск. grabić. в.-луж. hrabać – “обрабатывать граблями”. Ср. лит. gróbtì – “собирать”, латышск. greblis – “грабли”;

* $[\bar{g}r\bar{e}m\bar{o}it\bar{i}s > \bar{g}r\bar{e}m\bar{e}t\bar{y}s > \bar{g}r\bar{e}m\bar{e}t\bar{y}] >$ ст.-сл. **грѣмѣти**, рус. греметь. Ср. лит. grumù, grumėti – “греметь”, латышск. gremt, gremjù – “бормотать”; * $[\text{doileit}\bar{i}s > \text{d}\bar{e}l\bar{i}t\bar{y}s > \text{d}\bar{e}l\bar{i}t\bar{y}] >$ ст.-сл. **дѣлити**, рус. делить, польск. dzielić. Ср. лит. dailýti, dailaũ – “делить”;

* $[\bar{g}r\bar{e}d\bar{h}t\bar{i}s > \bar{g}r\bar{e}nd\bar{t}\bar{i}s (\text{осложнённое инфиксом } *[\bar{n}]) > \bar{g}r\bar{e}t\bar{y}s > \bar{g}r\bar{e}t\bar{y}] >$ ст.-сл. **грести** – “идти”, рус. гряди – “шагать”. Ср. лит. gridyti – “идти”;

*[dhūbnōs > dъnos (с выпадением *[b] как несоответствующий в артикуляции со звуком *[n]) > dъно] > ст.-сл. дъно, рус. дно, польск. dno. Ср. лит. dubús “глубокий”, dūbti “погружаться”, латышск. dubens – “дно”; *[ghīuētīs > zyuētъs > zvĕrъ] > ст.-сл. звѣрь, рус. зверь, польск. zwierzę. Ср. лит. žvėris – “зверь” латышск. zvēr – “тж.”;

*[ghĕltīs > zeltъs > zeltъ] > ст.-сл. зеленети, рус. зеленеть, польск. zielenić. Ср. лит. želu, želti – “зеленеть”, латышск. zelt – “тж.”;

*[ōlktās > lōktās > lastas > lasta (сочетание *[kst > st]) > ст.-сл. ластница, ласточна, ластовица, с.-хорват. ластва, др.-рус. ластуна, рус. ласточка. Ср. лит. lakstūti, lakstaū – “летать, порхать”, латышск. lakstīt – “порхать”; *[ēlktōitīs > lētoitīs > lētĕtъ] (kst > s) > ст.-сл. лѣтѣти, рус. лететь, польск. lecieć. Ср. лит. lekiū – “лечу, порхаю”, латышск. lēkt, lekstīt – “прыгать”; *[moisūs > moisъs > mĕxъs > mĕxъ] > ст.-сл. и др.-рус. мѣхъ – “мех, мешок”, рус. мех, укр. міх – “мех, мешок”. Ср. лит. maišas – “мех, мешок”, латышск. maiss – “тж.”;

*[klīuātīs > klъvatъs > klъvatъ] > ст.-сл. кълвати, рус. клевать. Ср. латышск. klauvēt – “стучать по дереву”;

*[kōpeitīs > kopitъs > kopitъ] > ст.-сл. копити – “собирать”, словен. koriti – “копнить, делать стог”, чеш. koriti – “складывать кучкой”, рус. копить – “постепенно делать запас”. Ср. лит. kōpti – “сгребать в кучу”.

Развитие фонемы *[x < s] в некоторых позициях в слове может являться, как кажется, результатом межслового сингармонизма, способствовавшего созданию плавности артикуляции слова в речи праславянских племён. В то же время в племенах балто-праславян такого изменения не наблюдалось. Это может указывать на то, что в общности праславян и балто-праславян не в одинаковой степени по племенам развивалось музыкальное ударение, например: *[mūskūs > tъxъs > tъxъ] > ст.-сл. мѣхъ, рус. мох, польск. mech. Ср. лит. mūsas; *[teisūs > tĭxъs > tĭxъ] > ст.-сл. тихъ, рус. тихий, польск. cichy. Ср. лит. teisūs – “справедливый”; *[skhōrbūs > sōrbrūs > xrōbrūs > xrabrъs > xrabrъ (skh > s > x) > ст.-сл. хрѣбрь, рус. храбрый. Ср. латышск. skarbs – “резкий, суровый, гневный”, др.-исланд. skarpr – “жестокий”, др.-инд. kharah – “твёрдый, острый”, др.-англ. skearp – “острый, резкий”.

Трансформация *[z' < h', g'] была вызвана, видимо, восполнением утраченных консонантных фонем, дифференцировавшихся придыхательным элементом *[h]. Для сохранения “линейности языка” начали развиваться согласные, противопоставлявшиеся по твёрдости-мягкости, например: *[gīnātīs > zīnātīs > zъnatъs > zъnatъ] > ст.-сл. зънати, рус. знать, лит. žinoti – “тж.”. Ср. др.-инд. jānāti – [džanāti] – “он знает”; *[gōmbhūs > *gōmbъs > zQbъ] > ст.-сл. зъбъ, рус. зуб, польск. ząb, лит. žambas. – “угол у перекрёстка”.

Итак, определение территории обитания праиндоевропейцев, а также места расположения племён после распада праиндоевропейской об-

щности, даёт возможность классифицировать лексику (учитывая климатические условия, географические объекты, растительный и животный мир каждой занимаемой ими территории) на исконно праиндоевропейскую и исконную для каждой самостоятельной языковой группы индоевропейской семьи. К исконно праиндоевропейской лексике можно отнести слова, корневая морфема которых содержит первоначальную семантику и выступает в ряде языков разных языковых групп индоевропейской семьи, хотя наблюдается различное звуковое оформление, вызванное рядом языковых явлений, произошедших в каждом из самостоятельных языков, например: *ǫrn(m)s – “рука” от глагола *ǫrn(m)tis – “сгребать, собирать”. > *[gōn(m)kas > rQkas > rQka – “рука”] > ст.-сл. рѣка – “рука”, рус. рука, польск. ręka, лит. ranka – “собираю”, rankà – “рука”. Ср. нем. Arm – “рука”. А слова с корневой морфемой, указывающей на признак предмета, состояние или какое-нибудь действие не являются исконно праиндоевропейскими, а лишь праиндоевропейская корневая морфема использована самостоятельными языками в словообразовании, например, корень *[ǫl-], обозначающий, видимо, цвет: “серебряно-красно-коричневый”, использован для названия разных предметов: а) вида дерева: праслав. *[ǫlksās > ǫlsās (lk > l) > olxas (s > x) > olxa] > рус. ольха, польск. olcha, лит. alksnis – “тж.”, др.-в.-нем. elira – “тж.”, латышск. alksni : elksnis – “тж.”, нем. Eller – “тж.”, лат. alnus – “тж.”; б) вида металла: лит. álvas – “цинк”, прусск. alwis – “свинец”; в) цвета: лат. albus – “белый”.

Прослеживая изменения, произошедшие в диалектах, положивших основу к развитию самостоятельных индоевропейских языков, приходится заключить, что праславяне и “балто-славяне” существовали совместно с конца III тысячелетия до н.э. и располагались вначале вдоль нижнего берега Волги, а затем на северной стороне Волги. Просуществовали они совместно до половины II тысячелетия до н.э. Начиная с XV в. до н.э. эти племена разделились и со временем усугубились языковые различия между ними.

SUMMARY

The article is an attempt to specify the question of Proto-Slavic tribes origins, including the descent of Balto-Slavs. The problem is presented on the basis of comparative analyses of language terms related to geography, climate, fauna and flora of territories inhabited by Proto-Slavs in the period following the split of Proto-Indo-European community. The analysis of lexical units which are not shared in particular Indo-European languages enables to determine the time of inhabitation and the areas inhabited by a number Indo-European tribes having distinct languages. The article also presents the observation of phonological units development, which allows to determine the period when Proto-Slavs and Balto-Slavs were still one community and the time when the two groups divided into two separate language groups.

STRESZCZENIE

Artykuł stanowi próbę uściślenia kwestii pochodzenia Prasłowian, w tym tak zwanych Bałtosłowian. Problem ten jest naświetlony w oparciu o porównanie terminów, określających nazwy geograficzne i klimatyczne oraz nazwy fauny i flory na terytorium zamieszkiwanym przez Prasłowian po okresie, w którym nastąpił rozłam wspólnoty Praindoeuropejczyków. Analiza jednostek leksykalnych, które nie są wspólne dla poszczególnych języków indoeuropejskich, pozwala określić czas i miejsce zamieszkiwania szeregu plemion, posługujących się odrębnymi językami. Poczyniona w artykule obserwacja rozwoju jednostek fonologicznych daje możliwość ustalić czas współlistnienia Prasłowian i Bałtosłowian oraz wyodrębnienie się z nich dwóch grup językowych.